

Фенимор Купер

Лоцман

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

Фенимор Купер

Лоцман / Фенимор Купер – М.: Книга по Требованию, 2011. – 279 с.

ISBN 978-5-4241-3185-1

Роман «Лоцман» американского писателя Джеймса Фенимора Купера (1789 — 1851), чье творчество стало достоянием мировой литературы, посвящен приключениям знаменитого моряка Поля Джонса и рассказывает о драматических морских событиях из истории освободительного движения в американских колониях Англии.

ISBN 978-5-4241-3185-1

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Джеймс Фенимор Купер
Лоцман

ГЛАВА I

Волны в неустанном беге

Бились о его борта.¹

Песня

Достаточно читателю бегло взглянуть на карту, чтобы уяснить себе, как восточное побережье Англии расположено по отношению к берегам Европейского континента. В совокупности они образуют границы небольшого моря, уже много веков известного миру как арена морских подвигов и как путь, по которому торговля и война водили флоты северных народов Европы. Вопреки здравому смыслу, обитатели Британских островов давно домогались исключительного права на этот общий путь, отчего часто возникали конфликты, которые вели к кровопролитию и издержкам, вовсе не соответствовавшим выгоде, которую можно было извлечь. Через воды этого спорного моря мы и хотим повести читателя, выбрав для нашего рассказа время, особенно интересное для каждого американца не только потому, что это был день рождения его нации, но и потому, что именно в это время разум и здравый смысл начали вытеснять обычаи и пережитки феодализма в управлении судьбами народов.

Однажды, вскоре после того как революционные события вовлекли в наш спор королевства Франции и Испании, а также Голландскую республику, на северо-восточном побережье Англии в поле, открытом морским ветрам, собралась группа сельских жителей. Эти труженики дали себе передышку и пытались разогнать сумрачность декабрьского дня, обмениваясь соображениями по поводу политических новостей. Они и раньше слыхали, что Англия ведет войну с какими-то колониями² по другую сторону Атлантики, но эти слухи мало их интересовали по причине отдаленности и туманности событий. Но, когда против Англии вооружились государства, с которыми она часто воевала и раньше, грохот войны потревожил спокойствие даже этих далеких от общественной жизни крестьян. Главными ораторами на сей раз были гуртовщик-шотландец, поджидавший здесь арендатора близлежащих полей, и работник-ирландец, который пересек пролив и прошел от одного побережья Англии до другого в поисках заработка.

— Если бы не французы да испанцы, старушка Англия сама, и без помощи Ирландии, давно бы расправилась с этими туземцами, — сказал он. — Нам-то уж, во всяком случае, от них одна беда: теперь все время нужно быть трезвым, как священнику за обедней, а то и оглянуться не успеешь — угодишь в солдаты³.

— Знаем, знаем, что вы там в Ирландии собираетесь на войну только под грохот барабана, сделанного из бочонка с виски! — заметил гуртовщик, подмигивая остальным слушателям. — Вот у нас на севере легко собрать народ: шотландцы пойдут за трубами так же чинно, как воскресным утром в церковь. Мне как-то довелось увидеть список солдат горного полка, и представьте — он уместился на таком клочке бумаги, который могла бы прикрыть ручка благородной дамы. Всё Камероны да Макдональды⁴, хотя в строю их насчитывалось целых шестьсот душ... Но взгляните-ка сюда! У этого малыша непозволительная для морского судна любовь к суше, и, если дно моря похоже на его поверхность,

малыш может разбиться!

Столь неожиданная перемена темы заставила всех обратить взоры в сторону, куда указывал посохом наблюдательный гуртовщик. К своему крайнему удивлению они увидели небольшое судно; оно медленно огибало мыс, заканчивавший с одной стороны маленькую бухту, на другом берегу которой находилось поле, где трудились наши крестьяне. Внешность нежданного гостя была весьма своеобразна, что не могло не усилить удивления, вызванного его прибытием в эти глухие места. Никакие суда, кроме самых мелких да принадлежащих отчаянным контрабандистам, которые изредка навещали здешние места, не рисковали приблизиться к берегу на этом участке, изобиловавшем подводными камнями и песчаными наносами. Отважные моряки, которые пустились в столь рискованное предприятие и действовали так безрассудно, явились сюда на низкой черной шхуне. Корпус ее, казалось, совсем не соответствовал высоте наклоненных назад мачт, несших еще более легкий рангоут; чем выше, тем он был тоньше, и самые верхушки были не шире узкого вымпела, который никак не мог развернуться на слабом ветру.

Короткий день этих северных широт уже угасал, и солнце, бросая косые прощальные лучи на поверхность моря, то здесь, то там касалось угрюмых волн полосами бледного света. Штормовые ветры Северного моря, казалось, ушли на покой, и, хотя неумолчный прибой, набегая на берег, придавал еще большую мрачность солнечному закату и окружающей местности, легкая рябь, бороздившая сонные валы, вызывалась лишь тихим ветерком с суши. Несмотря на это благоприятное обстоятельство, море, казалось, таило угрозу. Оно глухо рокотало, как вулкан накануне извержения, усиливая чувство изумления и страха, с которым крестьяне воспринимали необычное явление, нарушившее спокойствие их маленькой бухты. Распустив только огромный грот да легкий кливер, реявший далеко впереди носа судна, шхуна скользила по воде с такой грацией и легкостью, что зрителям это казалось волшебством, и они, оторвав взор от моря, переглядывались в немом изумлении. Наконец гуртовщик тихим, торжественным голосом сказал:

— Храбрый малый, должно быть, стоит там у руля! И, если у этой посуды днище деревянное, как у бригантин, что ходят между Лондоном и Лит-портом⁵, значит, ее ждет опасность, какой благоразумный человек не должен бы допускать... Смотрите! Она уже у большой скалы, что всегда высовывает голову при отливе. Нет, ни один смертный не может долго идти этим путем: он дойдет до «земли», но она будет под водой!

Однако маленькая шхуна продолжала двигаться среди рифов и мелей, время от времени слегка меняя курс; это доказывало, что ее ведет человек, сознающий опасность. Когда же судно углубилось в бухту, насколько это было возможно без чрезмерного риска, ее паруса, словно сами собой, собрались в складки. Покачавшись несколько минут на длинных валах, набегавших с открытого моря, шхуна развернулась, на приливном течении и стала на якорь.

Теперь крестьяне начали более оживленно высказывать свои догадки насчет цели этого визита: одни предполагали, что судно занимается контрабандой, другие приписывали ему враждебные намерения, утверждая, что задача у него военная... Высказывались также смутные намеки, что с этим судном дело не чисто. «Ни одно судно, — настаивали сторонники этой точки зрения, — будь оно

построено человеком, не осмелилось бы зайти в такое место да еще в час, когда даже самый неискушенный в морских делах береговой житель мог предсказать шторм». Шотландец, усвоивший от своих земляков не только их сметливость, но и в немалой мере их суеверие, придерживался этой последней теории и начал было с некоторой осторожностью и почтением приводить свои доводы, как вдруг сын Эрина ⁶, который, видимо, не имел определенного мнения по этому вопросу, перебил его, воскликнув:

— Смотрите! Их, оказывается, два: маленькое и большое. Если это морские духи, они, видать, любят

— Два! — отозвался гуртовщик. — Два! От них может быть много беды. Два судна сразу, да еще в таком месте, где простым глазом не рассмотришь опасность, и притом они без людей! Жди несчастья, кто смотрит на них... Вот те на! А ведь второе-то совсем не маленькое! Глядите, добрые люди, глядите! Это — отличный большой корабль!

Он замолчал, поднял с земли свой узелок и, еще раз окинув испытующим взором подозрительные суда, многозначительно посмотрел на слушателей и продолжал, медленно удаляясь от берега:

— Я бы не удивился, если бы оказалось, что это военный корабль нашего короля Георга ⁷. Отправлюсь-ка я прямо в город и поговорю со знающими людьми: уж больно подозрительный вид у этих судов; малышу ничего не стоит сцапать человека, а большой проглотит всех нас и сытее не станет.

Это предостережение встревожило присутствующих, ибо в то время ходили усиленные слухи о новом рекрутском наборе. Работники собрали инструменты и ушли домой. И, хотя из-за отдаленных холмов за маневрами судов следила не одна пара любопытных глаз, очень немногие из тех, кто интересовался таинственными посетителями, осмеливались приблизиться к окаймлявшим бухту утесам.

Судно, побудившее местных жителей благоразумно удалиться, было красивым кораблем, огромный корпус, высокие мачты и длинные реи которого неясно вырисовывались в легкой вечерней дымке, спускавшейся над морем. Корабль казался горой, рожденной морской пучиной. Он нес немного парусов и, хотя не решался подойти к берегу так близко, как шхуна, тем не менее, производил схожие маневры, подтверждая предположение о том, что цель у них одна. Фрегат — ибо большой корабль принадлежал к этому классу судов — величественно прошел с попутным приливом через вход в маленькую бухту. Он двигался в воде лишь с той скоростью, какая была необходима, чтобы он слушался руля. Приблизившись к своему спутнику, корабль тяжело развернулся на ветер и, расправляя огромные реи на грот-мачте, чтобы уравновесить действие одних парусов другими, попытался лечь в дрейф. Однако легкий ветер, наполнявший до этого его тяжелые паруса, начал спадать, а береговой бриз перестал рябить длинные волны, катившиеся с открытого моря. Течением и волнами корабль понесло в самую глубину бухты, где из воды высовывались черные головы длинной гряды рифов, уходившей далеко в море. Тогда и на фрегате отдали якорь и взяли паруса на гитовы, притянув их фестонами к реям. Как только судно развернулось по течению, на гафеле бизань-мачты взвился тяжелый флаг, и, когда порыв ветра на мгновение расправил его складки, стал отчетливо виден красный крест на белом поле — эмблема Англии, как успел разглядеть благоразумный гуртовщик, остановившийся на почтительном расстоянии. Но, лишь только с обоих судов

спустили по шлюпке, гуртовщик ускорил шаги, заметив своим удивленным товарищам, которых забавляло его поведение, что «на эти суда лучше смотреть издали, чем вблизи».

В катере, спущенном с фрегата, заняла свои места многочисленная команда гребцов, и, после того как к ним сошел офицер, сопровождаемый юношей-гардемарином, катер отвалил от корабля и, подгоняемый мерными ударами весел, направился в сторону берега. Когда катер приблизился к шхуне, от нее отделился легкий вельбот, на веслах которого сидели четыре атлетически сложенных молодца, и, скорее танцуя на волнах, чем разрезая их, с удивительной быстротой двинулся вперед напересечку. Как только шлюпки сблизились, матросы по сигналу офицеров прекратили свои усилия, и в течение нескольких минут, пока они отдыхали, произошел следующий разговор.

— Старик с ума сошел, что ли? — крикнул с вельбота молодой офицер, лишь только его матросы перестали грести. — Он, наверное, полагает, что у «Ариэля» днище железное, так что и скала не сделает в нем пробоины? Или он думает, что на «Ариэле» служат крокодилы, которые и в воде не тонут?

Слабая улыбка на миг озарила красивое лицо молодого человека, который полулежал на кормовой банке катера.

— Ему отлично известна ваша осторожность, капитан Барнстейбл, — ответил он, — и потому он не боится за судьбу вашего судна и команды. Сколько воды у вас под килем?

— Боюсь даже замерить, — ответил Барнстейбл. — Мне страшно взяться за лот при виде скал, которые, как дельфины, выскакивают из воды прямо на глазах.

— Вы все же на плаву! — воскликнул его собеседник со страстью, указывавшей на избыток скрытого в нем огня.

— На плаву! — повторил его друг. — Да маленький «Ариэль» поплывет и по воздуху! — С этими словами он встал, снял с головы кожаную морскую фуражку и, откинув назад густые пряди спустившихся на загорелый лоб черных вьющихся волос, с удовлетворением моряка, который гордится качествами своего судна, оглядел шхуну. — Но не очень-то легко, мистер Гриффит, стоять в таком месте на одном-единственном якорь, да еще когда приближается ночь. Каковы будут приказания?

— Я войду в прибой и стану на якорь. Вы же примете на борт мистера Мерри и постараетесь через буруны прорваться на берег.

— На берег? — повторил Барнстейбл. — Неужели вы называете берегом отвесную скалу, которая торчит из воды на сотню футов вверх?

— Не будем спорить насчет терминов, — улыбаясь, сказал Гриффит. — Ваша задача в том, чтобы добраться до берега. Мы видели сигнал отсюда и знаем, что лоцман, которого мы так давно ждем, готов прибыть к нам.

Барнстейбл с мрачным видом покачал головой.

— Веселенькое у нас плавание, — пробормотал он себе под нос, — сначала вошли в глухой залив, полный скал, песчаных ловушек и банок, а теперь еще должны принять на борт лоцмана. Но как я его узнаю? — добавил он вслух.

— Мерри сообщит вам пароль и укажет место, где вы должны искать этого человека. Я высажился бы сам, но данные мне инструкции это запрещают. Если вы столкнетесь с затруднениями, покажите три весла лопастями вверх, и я тотчас приду вам на помощь. Если увижу три весла в ряд и услышу пистолетный вы-

стрел, я открою огонь из мушкетов, а сигнал, повторенный с катера, приведет в действие орудия фрегата.

— Покорно вас благодарю! — беспечно ответил Барнстейбл. — Я полагаю, что сам справлюсь со всеми врагами, которых мы можем встретить на этом берегу. Но старик, ей-богу, спятил. Я бы...

— Будь он здесь, вы бы выполнили его приказания, а сейчас прошу подчиняться мне, — проговорил Гриффит суровым тоном, которому противоречил его дружеский взгляд. — Отправляйтесь и отыщите человека небольшого роста, в коричневом камзоле. Мерри сообщит вам пароль. Если человек ответит должным образом, доставьте его на катер.

Молодые люди дружески кивнули друг другу, и юноша, которого называли мистером Мерри, перешел из катера в вельбот. Барнстейбл занял свое место, и по его сигналу матросы снова налегли на весла. Легкий вельбот рванулся прочь от катера и отважно ринулся в сторону скал. Пройдя на некотором расстоянии вдоль берега в поисках благоприятного места для прохода через полосу прибоя, вельбот круто развернулся и, стремительно преодолевая буруны, направился туда, где высадка казалась наиболее безопасной.

Тем временем катер медленно следовал за вельботом. Заметив, что вельбот притянут бортом к одному из камней, Гриффит приказал, как и обещал, отдать шлюпочный якорь, а затем экипаж катера привел в боевую готовность свое оружие. Видно было, что люди заранее получили точные наставления, ибо молодой человек, который был представлен читателю под именем Гриффита, говорил редко и немногословно, как, впрочем, и свойственно тому, кто привык командовать. Как только катер стал на якорь, Гриффит во всю длину растянулся на мягком сиденье и, надвинув шляпу на глаза, с рассеянным видом отдался мыслям, совершенно чуждым его настоящему положению. Однако время от времени он поднимался, отыскивал глазами своих товарищей, высадившихся на берег, а затем обращал выразительный взор в сторону моря, и тогда рассеянный и безучастный вид, который так часто сменял оживленное и одухотворенное выражение его лица, уступал место внимательному и разумному взгляду опытного не по летам моряка. Закаленные и отважные матросы, приготовившись к борьбе, сидели молча, засунув руки в нагрудные карманы курток, но напряженно следя за клубящимися тучами. Вид этих туч становился все более грозным, и люди тревожно переглядывались всякий раз, когда катер подымался выше обычного на длинных тяжелых валах, которые все чаще и с большей силой набегали с просторов моря.

ГЛАВА II

*... ты лик прелестный свой
И стан девический плащом укрой.
В толпе мужчин пошире делай шаг.
Не трусь, и ты не попадешь впросак.
Прапор*

Когда вельбот, о чем мы уже рассказали, подошел к берегу, молодой лейтенант, которого все как командира шхуны называли капитаном, вышел на береговые скалы в сопровождении юноши-гардемарина, пересевшего к нему из катера, чтобы помочь в этой рискованной экспедиции.

— В крайнем случае, нам придется воспользоваться штормтрапом, — сказал Барнстейбл, бросая взгляд на крутой склон, — но это отнюдь не означает, что наверху, когда мы влезем туда, нас примут с распростертыми объятиями.

— Мы под защитой пушек фрегата, — возразил юноша, — и вам следует помнить, сэр, что три весла и выстрел, повторенный на катере, вызовут залп этих пушек.

Моряк, носивший такое страшное имя, медленно поднялся с места рулевого вельбота и, казалось, рос в воздухе, распрямляя все сгибы своего тела. Когда он выпрямился окончательно, рост его составил около шести футов и примерно столько же дюймов, однако в вертикальном положении он сильно сутулился, потому что привык жить в низких корабельных помещениях. Фигура его отличалась угловатостью, так как сложен он был нескладно, но огромные жилистые руки свидетельствовали о гигантской силе. Островерхая шерстяная шапочка придавала грубым и резким чертам его лица, окаймленного черными бакенбардами с пробивавшейся кое-где сединой, какую-то своеобразную торжественность и степенность. Одной рукой он инстинктивно прижимал к себе сверкавший гарпун. Нижний конец его Том упер в землю, когда, подчиняясь приказу командира, покинул шлюпку, где, принимая во внимание его огромный рост, занимал удивительно мало места.

Как только капитан Барнстейбл получил это подкрепление, он дал матросам, оставшимся в вельботе, несколько указаний о том, какие меры предосторожности следовало принять, и стал с трудом карабкаться на скалу. Несмотря на природную смелость, из попыток Барнстейбла ничего бы не вышло, если бы ему время от времени не помогал рулевой. Невероятная сила и огромная длина рук и ног облегчали Тому задачу, неразрешимую для большинства смертных. Уже находясь в нескольких футах от вершины, они воспользовались выступом скалы, чтобы передохнуть и посоветоваться о дальнейших действиях.

— Неважно здесь место для отступления, если мы натолкнемся на неприятеля, — заметил Барнстейбл. — Где нам искать этого лоцмана, мистер Мерри, и как узнать его? И почему вы уверены, что он не предаст нас?

— Вопрос, который вы должны ему задать, вы прочтете на этом клочке бумаги, — ответил юноша, протягивая Барнстейблу записку со словами паро-1

— Мы указали на скалу вон на том мысу, но он, наверное, видел наш вельбот и направится за нами сюда. Что же касается ваших подозрений, то капитан Мансон, по-видимому, доверяет ему, ибо он усиленно разыскивает его, с тех пор

как мы приблизились к берегу.

— Да, — пробормотал лейтенант, — а теперь, когда мы уже на берегу, усиленно разыскивать его должен я. Не нравится мне такое плавание, когда приходится вплотную жаться к берегу, и не очень-то я доверяю перебежчикам. А ты что думаешь об этом, мистер Коффин?

Старый моряк, услышав свое имя, бросил на командира суровый взгляд и столь же сурово ответил:

— Дайте мне морской простор, сэр, да хорошие паруса, и не нужны мне никакие лоцманы! Я родился на борту судна, возившего табак, и сей день, если мне нужна земля, то разве какой-нибудь островок, где можно было бы выращивать овощи да вялить рыбу. От одного вида земли у меня, ей-богу, тревожно на душе, пока не подует ветер прямо от берега.

— Ах, Том, какой ты разумный малый! — не то шутливо, не то серьезно сказал Барнстейбл. — Однако нам пора двигаться дальше. Солнце уже садится, и боже упаси нас оставаться тут на якоре всю ночь!

Схватившись рукой за выступ скалы над головой, Барнстейбл мощным рывком поднялся выше и, сделав два-три отчаянных прыжка, очутился на вершине утеса. Рулевой неторопливо посадил гардемарина после офицера и наконец с осторожностью, но без больших усилий взобрался наверх и сам.

Когда наши смельчаки вступили на ровную землю над утесами и начали с любопытством оглядываться, они увидели вспаханные поля, размежеванные, как обычно, изгородями и заборами. На целую милю вокруг не было видно ни одного человеческого жилища, кроме маленькой полуразвалившейся хижины — люди старались селиться подальше от морских туманов и сырости.

— Тут, кажется, и опасаться нечего и искать некого, — заметил Барнстейбл, осмотрев все кругом. — Пожалуй, мы напрасно высадились на берег, мистер Мерри!.. Что скажешь, Длинный Том? Ты что-нибудь видишь?

— Лоцмана я не вижу, сэр, — ответил рулевой, — зато тут есть кое-что другое, чем было бы неплохо поживиться. Вон под теми кустами я заметил добрый кусок свежего мяса. Он составил бы двойной рацион для всего экипажа «Ариэля».

Гардемарин рассмеялся, указывая Барнстейблу на привлечший внимание рулевого предмет. Это был тучный бык, который жевал жвачку под изгородью в нескольких шагах от них.

— У нас на борту нашлось бы немало голодных молодцов, — заметил гардемарин, — которые охотно поддержали бы предложение Длинного Тома, если бы время и обстоятельства позволили нам убить животное.

— Да это минутное дело, мистер Мерри, — возразил рулевой и, не шевельнув и бровью, с силой вонзил гарпун в землю, а затем взял его наперевес. — Стоит капитану Барнстейблу сказать лишь слово, и я вмиг загарпуню быка. Не раз загонял я это железо в китов... Правда, на них нет такого слоя жира, как на этой скотине.

— Ты сейчас не на китобойном промысле, где годится в добычу все, что попадется на глаза, — возразил Барнстейбл и сердито отвернулся от быка, словно не доверяя собственной воздержанности. — Но погодите! Я вижу — кто-то крадется вдоль изгороди. Будьте начеку, мистер Мерри! Может быть, не говоря ни слова, нам пустят пулю в лоб.